

Подготовка Русской Арміи къ Великой Войнѣ*.

II.

ПОДГОТОВКА ПѢХОТЫ.

Послѣ Японской войны выяснились недостатки организаціи русской пѣхоты и недостатки ея подготовки, какъ одиночной, такъ и маневренной. Кромѣ того былъ введенъ 3-хъ лѣтній срокъ службы, затруднявшій ея обученіе, т. к. въ зимнее время, послѣ увольненія въ запасъ очередного возраста, во многихъ частяхъ количество остававшихся людей не удовлетворяло потребности. Мѣстами неслись такіе большіе наряды, что за выдѣленіемъ учителей молодыхъ солдатъ, пополненія различныхъ командъ и т. п. въ ротахъ находилось такъ мало людей, что приходилось часто, не соблюдая никакихъ сроковъ отдыха, посылать людей изъ однихъ нарядовъ въ другіе.

Войска, возвращавшіяся изъ Маньчжурии, иногда бывали распропагандированы и выявляли недовѣріе къ власти. Антигосударственная пропаганда ширилась, захватывая новыя части, расположенныя въ Россіи. Первая Государственная Дума служила ей опорой, депутаты злоупотребляли своей неприкосновенностью. Въмѣсто энергичной борьбы крутыми мѣрами, власти чаще вступали въ компромиссы, давая такимъ образомъ надежду на безнаказанность и этимъ еще больше поощряли мятежный духъ. Къ этому присоединились различныя хозяйственныя неурядицы и неудовлетвореніе подчасъ дѣйствительно насущныхъ потребностей солдата. Въ результатъ во многихъ частяхъ начались волненія и даже гвардія не осталась въ сторонѣ отъ нихъ. Все это начало успокаиваться около 1908 г.

При такихъ обстоятельствахъ пѣхота несомнѣнно нуждалась въ общемъ руководствѣ и авторитетномъ разрѣшеніи различныхъ вопросовъ. Съ этой пѣлюю была учреждена должность генераль-инспектора пѣхоты. На нее былъ назначенъ генераль Зарубаевъ.

Однако мѣра эта не оправдала ожиданій. Авторитетъ ген. Зарубаева не былъ признанъ въ округахъ, на его дѣятельность начались сѣтованія. Съ своей стороны и онъ не сталъ бороться и, по-видимому, не разсчитывалъ завоевать сочувственное къ себѣ отношеніе. Встрѣтивъ первое сопротивленіе, онъ сразу отказался отъ

*) См. „Военный Сборникъ“ № 4,

работы въ крупномъ масштабѣ и сталъ на почву мелочнаго исполненія уставовъ и, нѣсколько болѣе основательно, на почву подготовки къ стрѣлковому дѣлу. Это соответствовало обязанностямъ инспектора стрѣлковой части въ войскахъ, почему должность генераль-инспектора пѣхоты была упразднена уже съ 1908 года. Крайне нужная мѣра осталась неосуществленной, а между тѣмъ рядомъ работали кавалерійская и артиллерійская инспекціи. Они несомнѣнно приносили огромную пользу, а дѣятельность генераль-инспектора артиллеріи была даже выдающейся.

Такимъ образомъ, пѣхота, лишенная высшаго руководства, училась по указаніямъ, болѣе или менѣе полнымъ, отдѣльныхъ начальниковъ, по старымъ уставамъ, по обширной литературѣ „изъ опыта войны“ и изъ „германскаго опыта“, по брошюрамъ военныхъ книгоиздательствъ.

Конечно, переварить весь этотъ разнообразный матеріалъ было затруднительно, тѣмъ болѣе пѣхотному офицеру. Образовательный цензъ послѣдняго не былъ великъ и весьма не одинаковъ. Были офицеры, окончившіе военное училище и окончившіе юнкерское училище. Правда, жизнь понемногу нивелировала эти различія и разнообразіе въ образованіи сказывалось скорѣе въ младшихъ, чѣмъ въ старшихъ чинахъ*). Кромѣ того были части войскъ, расположенные въ большихъ центрахъ, куда стремились люди болѣе состоятельные и образованные и гдѣ офицерскій составъ полковъ былъ выше въ образовательномъ отношеніи. Но едва ли онъ былъ выше въ нравственномъ отношеніи, вслѣдствіе соблазновъ большихъ центровъ; къ тому же состоятельные люди меньше дорожили службой. Была и гвардія со своими положительными и отрицательными сторонами.

Составъ полковъ былъ крайне разнообразный и только въ гвардіи и нѣкоторыхъ немногочисленныхъ полкахъ замѣчалась традиціонность и сплоченность офицерскаго состава. Въ другихъ частяхъ офицерство не имѣло надлежащей корпоративной сплоченности. Ее могъ лѣпить по своему усмотрѣнію всякій вновь назначенный командиръ полка. Всѣмъ извѣстны факты какъ быстро поправлялись, казалось, безнадежныя части, когда во главѣ становился энергичный командиръ и какъ быстро приходили въ упадокъ другіе полки при плохихъ командирахъ. Въ этомъ отношеніи, напр. въ гвардіи, полки имѣли свои отличительные особенности и, въ отношеніи соблюденія общихъ началъ военной службы, командиру полка надо было только не мѣшать. Соревнованіе между полками дѣлало легкимъ привитіе новыхъ требованій, какъ только они опредѣленно выяснились и проводились свѣше.

Всему этому были причины и въ прежнее время офицерскій составъ русской арміи былъ не такимъ. По Петровскимъ основамъ

*) Прим. ред. Въ 1902 г. юнкерскія училища были реформированы и программа ихъ ничѣмъ не отличалась отъ программы военныхъ училищъ. Первый выпускъ изъ реформированныхъ юнкерскихъ училищъ съ производствомъ юнкеровъ въ подпоручики состоялся въ 1904 г.

офицерскія общества составляли прочную корпорацію. Поступить въ нее можно было только съ согласія общества офицеровъ. Оно же имѣло право удалять изъ своего состава нежелательныхъ членовъ и мѣра эта была весьма суровой, ибо ни въ одну другую воинскую часть изгнанный не былъ бы принятъ. Ему только оставалось устроиться на какой либо административной должности. Офицерскія общества были крѣпки и сплоченны, гордились своими боевыми отличіями, цѣнили ихъ. При такихъ условіяхъ не могло быть равнодушія къ общественной жизни, что такъ печально характеризуетъ послѣдующую русскую общественную жизнь въ военной и въ другихъ областяхъ. Худшимъ наказаніемъ для такого общества было его раскассированіе. Всякій, кто туда попадалъ, или передѣлывался подъ общій уровень или выбрасывался.

Однако такая организація, которой справедливо приписывается большое вліяніе на русскія побѣды 18 и начала 19 столѣтій, во многихъ отношеніяхъ представлялась неудобной.

Въ 20 или 30 годахъ прошлаго столѣтія установилась суровая дисциплина. Значеніе начальника, даже его самовластіе усилилось. При такомъ положеніи и взглядахъ независимое въ бытовомъ отношеніи положеніе офицерскаго общества претило. Нѣсколько случаевъ отказа принять въ свою среду постороннихъ военнослужащихъ послужило основаніемъ къ лишенію офицерскихъ обществъ прежнихъ правъ. Наиболѣе сильныя организаціи, какъ напр. гвардія, выдержали и этотъ натискъ, но большинство другихъ офицерскихъ обществъ съ теченіемъ времени утратило свое значеніе.

При томъ и власть въ своихъ посягательствахъ шла все дальше. Различныя административные офицеры, получавшіе чины за выслугу извѣстнаго числа лѣтъ, обогнавъ своихъ сверстниковъ, возвращались въ войска, нерѣдко даже по своему выбору, гдѣ и занимали высшія мѣста по сравненію съ сверстниками. Практиковались и другіе переводы. Все это было удобно для штабовъ, ибо позволяло, не считаясь ни съ какими мѣстными особенностями и руководясь только штатными составами и наличіемъ войскъ, продвигать покровительствуемыхъ лицъ, но все это составляло полное неуваженіе къ принципамъ организаціи, обезличивало офицерскія общества, вносило разладъ и горечь въ ихъ среду.

Послѣ Японской войны были приняты нѣкоторыя мѣры къ устраненію этихъ явленій. Были отмѣнены произвольные переводы, но оставлены переводы для пользы службы. Этой лазейкой постоянно пользовались.

Задача этого очерка не состоитъ въ выясненіи тѣхъ мѣръ, которыя надлежитъ принимать для организаціи офицерскихъ обществъ, для регулировки ихъ дѣятельности и борьбы съ возможнымъ съ ихъ стороны засиліемъ. Достаточно только отмѣтить фактъ обезличенія офицерскихъ обществъ господствовавшимъ режимомъ.

Уже одно это обстоятельство значительно отнимаетъ интересъ къ службѣ, а однообразіе и монотонность пѣхотной службы недавняго прошлаго, ограниченные служебные горизонты, узкій кругозоръ

во время учебныхъ занятій, на маневрахъ и т. п. вели къ еще большому притупленію интереса, хотя и развивали попутно послушаніе, дисциплину, исполнительность иногда слишкомъ буквальную. Развивалась рутинна, невосприимчивость къ новому.

Извѣстенъ фактъ, съ какимъ трудомъ прививалось къ пѣхотѣ всякое новое требованіе. Вновь вводимые уставы иногда годами оставались мертвой буквой; нужно было примѣнить особую настойчивость, особо наглядные приемы для проведенія ихъ въ жизнь. Въ литературѣ часто примѣняются ссылки на уставныя положенія для характеристики дѣятельности той или иной арміи. Можно навѣрное сказать, что въ отношеніи русской пѣхоты выводы получились-бы далекіе отъ дѣйствительности. Русская пѣхота жила пережитками старыхъ уставовъ и требованіями новыхъ уставовъ, а когда возникала какая либо обстановка, несоотвѣтствующая привитымъ привычкамъ, отъ нихъ просто отступали. Въ эти минуты проявлялся прирожденный здравый смыслъ русскаго человѣка, непримѣняемый только въ обстановкѣ рутинной службы. Онъ часто выручалъ, но если при этомъ не хватало познаній, то конечно, по невѣдѣнію совершались крупныя ошибки.

Внѣ этихъ обстоятельствъ господствовала по преимуществу рутинная исполнительность, разумная исполнительность была сравнительно рѣдкимъ явленіемъ. Привить инициативу при такомъ духовномъ складѣ было нелегко. Однихъ приказовъ и распоряженій начальствующихъ лицъ для этого было недостаточно: по большей части они оставались мертвой буквой.

Нигдѣ какъ въ пѣхотѣ не чувствовалась необходимость раздвинуть горизонты, освѣжить въ теченіи службы познанія офицера и дать ему новыя свѣдѣнія съ цѣлью поднять его на уровень современныхъ знаній. Для этого необходимо было имѣть различные повторительные курсы. Прежде всего были необходимы курсы для подготовки къ должности ротнаго командира, затѣмъ курсы подготовки къ штабъ-офицерскимъ должностямъ. Послѣдующіе курсы составляли-бы уже подготовку къ высшимъ команднымъ должностямъ и касались бы въ равной мѣрѣ офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ.

Первоначально существовала только офицерская стрѣлковая школа въ Ораніенбаумѣ. Черезъ нее проводилось ежегодно нѣкоторое число капитановъ. Окончаніе курса заносилось въ послужные списки, но никакихъ служебныхъ преимуществъ не давало и не служило непремѣннымъ условіемъ для производства въ штабъ-офицеры. Самое образованіе было поставлено на школьную ногу и неоднократно было предметомъ нареканій. Образовательное значеніе школы до Японской войны, какъ по ограниченному числу проводившихся черезъ нее лицъ, такъ и по постановкѣ въ ней дѣла, было незначительно.

Послѣ Японской войны дѣло понемногу начало развиваться. Офицерская школа была преобразована въ штабъ-офицерскіе курсы и ихъ окончаніе давало уже извѣстныя преимущества при производ-

ствѣ въ штабъ-офицеры. Но все-таки въ должной мѣрѣ дѣло не развилось.

Затѣмъ, начиная съ 1908 г., были организованы стрѣлковыя курсы для штабъ-капитановъ, кандидатовъ на ротнаго командира. Они продолжались въ лагерное время въ теченіи шести недѣль. Сначала было открыто пять курсовъ, но затѣмъ число ихъ доведено до двѣнадцати. Служебныхъ преимуществъ они не давали. Обученіе велось интенсивно, но, вслѣдствіе краткости учебнаго періода, курсы были односторонни и всѣхъ нужныхъ свѣдѣній не давали. Они дѣйствовали въ послѣдній разъ въ 1910 г. и были закрыты къ искреннему сожалѣнію всѣхъ понимавшихъ ихъ пользу и желавшихъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Закрытіе мотивировалось недостаткомъ кредитовъ.

Такимъ образомъ, удовлетворенія насущной потребности офицерскаго состава пѣхоты къ образованію не послѣдовало. Значеніе этого дѣла не сознавалось въ достаточной мѣрѣ. Несомнѣнно если бы это сознание господствовало, кредиты можно было найти.

Послѣ войны 1904—5 г. въ пѣхотѣ появились различныя техническія средства, которыхъ раньше у нея не было. Были организованы команды пулеметныхъ и связи. Пулеметные офицеры готовились на пулеметныхъ курсахъ въ Ораніенбаумѣ. Офицеры связи особой подготовки не получали, но часто командировались для пріобрѣтенія нужныхъ познаній и сновокъ въ мѣстныя инженерныя войска, уже съ 1911 г. входившіе въ составъ корпусовъ. Дѣятельность этихъ командъ составляла исключеніе изъ обычной монотонной пѣхотной работы. Къ ней относились съ интересомъ, подготовка офицеровъ, а также ихъ познанія были весьма хороши; они съ честью выдержали боевое испытаніе.

Пѣхотное офицерство въ массѣ вышло на Великую войну недостаточно подготовленнымъ, съ ограниченнымъ кругомъ военныхъ понятій и врядъ-ли умѣло дать себѣ ясный отчетъ въ общемъ положеніи дѣлъ и въ той частной роли, которую приходится выполнять на общемъ фронтѣ арміи. Погрѣшности и недостатокъ ориентировки были поэтому часты. Появлялась и неувѣренность въ себѣ, недоувѣріе къ сосѣдямъ. Но все же природный здравый смыслъ и пріобрѣтаемый, хотя и оцупью и безъ достаточнаго анализа, опытъ часто служили вѣрными указателями. Если знанія были недостаточны, то съ другой стороны ложная доктрина не стѣсняла исполнителей. Добраго желанія было много. Еще въ 1915 г. поражало большое число раненыхъ офицеровъ, возвращавшихся въ строй. Солдаты пропорціонально возвращались втрое меньше. Офицерство пронесло черезъ пройденную имъ жизненную муть глубокую преданность долгу и любовь къ родинѣ и во имя ея обильно проливало свою кровь. Оно честно сдѣлало, что могло и имѣло право рассчитывать на благодарность родины. Но оно ее не получило...

Очерченное выше состояніе подготовки офицеровъ дѣйствительной службы отразилось и на подготовкѣ офицеровъ запаса. Въ русской арміи въ запасъ зачислялись офицеры, оставившіе службу по

различнымъ причинамъ и состоявшимъ въ возрастъ установленномъ для военнообязанныхъ. Эта категория запаса давала случайныя пополненія, многія изъ такихъ лицъ занимали должности, освобождавшія отъ призыва, ни къ какимъ обязательнымъ учебнымъ сборамъ они не привлекались.

Другой источникъ составляли вольноопредѣляющіеся. Они призывались на сокращенные сроки, проходили обученіе, подготавливались къ офицерскимъ обязанностямъ по очень сокращенной программѣ, послѣ чего производились въ прапорщики запаса. Въ этомъ званіи они призывались два раза на учебные сборы. Такая постановка дѣла была совершенно неудовлетворительна. Прапорщики запаса были подготовлены слабо. Войска ими не интересовались и считали ихъ обученіе обузой для себя. Повѣрка этого обученія производилась поверхностно. Отчетъ объ этомъ составлялся чисто формальный и почти въ тождественныхъ выраженіяхъ изъ года въ годъ объявлялся въ общей сводкѣ въ циркулярахъ Главнаго Штаба.

Но главное — отсутствовала связь съ частями войскъ, подготовлявшими прапорщиковъ запаса. Это и служило главной причиной равнодушнаго отношенія войскъ къ этой работѣ.

Подобные слабо подготовленные запасные офицеры, пройдя ряды войскъ, зачислялись въ общій запасъ. Они поступали на учетъ къ воинскимъ начальникамъ и при мобилизаціи назначались въ войска, ближайшія къ мѣсту ихъ проживанія.

Прапорщики запаса, состоя изъ людей получившихъ хорошее общее образованіе, пристраивались на службу по различнымъ мѣстамъ, которыя легче всего было найти въ крупныхъ центрахъ. Тамъ они преимущественно и накапливались. Конечно, до нѣкоторой степени было затруднительно командировать, напр. челоѵка, проживающаго въ Москвѣ въ Ровно или Проскуровъ для отбытія учебнаго сбора или при мобилизаціи, потому что тамъ находилась воинская часть, въ которой онъ получилъ воинское образованіе. Проще его было назначить въ ту же Москву или ближайшій городъ, гдѣ также имѣлись воинскія части. Это давало большій просторъ власти располагать личнымъ составомъ, какъ проповѣдывалось даже на курсахъ военной администраціи. Но все-же подобныя затрудненія назвать непреодолимыми нельзя. Создавая себѣ подобныя облегченія, по вѣдѣнію или невѣдѣнію, нарушали основное правило организациі о необходимости внутренней связи, внутренней спайки воинскихъ частей. Это правило настолько важно, что его необходимо уважать во что-бы то ни стало, памятуя, что затрудненія при правильномъ подборѣ личнаго состава всегда неизбѣжны, но ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить причиной отказа отъ такого подбора: это свидѣтельствовало бы объ отрицаніи организациі или о неуваженіи къ ней.

Такимъ образомъ войска готовили запасныхъ офицеровъ не для себя, а въ общій армейскій запасъ. Они не знали личнаго состава запасныхъ офицеровъ, которыхъ получаютъ при мобилизаціи, не могли слѣдить за ихъ поведеніемъ въ жизни, и отбросить негод-

ный элементъ, не могли ни распредѣлить ихъ по различнымъ должностямъ, сообразно ихъ способностямъ, ни подготовить къ этимъ должностямъ.

Неудовлетворительность подготовки офицеровъ запаса была отчасти признана послѣ Японской войны. Въ 1910 г. законъ о воинской повинности былъ измѣненъ. Вольноопредѣляющіеся проходили 2-хъ лѣтній срокъ службы и подготавливались по определенной программѣ сначала къ унтеръ-офицерскимъ, а затѣмъ къ офицерскимъ обязанностямъ. Кромѣ того они призывались на учебные сборы. Законъ этотъ не былъ вотированъ въ полномъ объемѣ, согласно пожеланіямъ военного вѣдомства. Государственная Дума, довольно щедрая въ то время на кредиты, не соглашалась на нужные для дѣла, но болѣе стѣснительные для военнообязанныхъ сроки выполнения воинской повинности и учебныхъ сборовъ. Въ необходимости разрѣшить вопросъ пополненія арміи офицерами не было достаточно яснаго сознанія, а тѣмъ болѣе твердой воли.

Но и послѣ проведенія указанного выше закона военное вѣдомство не установило связи офицеровъ запаса со своими частями, которыя они пополняютъ при мобилизаціи. Это въ значительной степени ослабило значеніе новаго закона.

Къ тому же ко времени Великой войны, по недостатку времени, еще не успѣло обнаружиться полезное вліаніе новаго закона.

Между тѣмъ, подготовка запасныхъ офицеровъ имѣла большое значеніе. Уже въ концѣ 1914 г. Главный Штабъ заявилъ о неимѣніи источниковъ для пополненія офицерскаго состава. Въ полкахъ число кадровыхъ офицеровъ постепенно убывало. Въ 1915 г., а тѣмъ болѣе въ 1916 г., они насчитывались единицами. Все остальное составляли офицеры запаса. Они часто были доблестны и старались выполнить свой воинскій долгъ, но отсутствіе солиднаго военного образованія и недостатокъ служебнаго опыта, умаляли существенно эти качества. Установленная, начиная съ 1916 г., подготовка офицеровъ въ особыхъ школахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій восполняла этотъ пробѣлъ въ слабой степени. Это обстоятельство составляло крайне тяжелую сторону въ жизни арміи. Оно значительно понизило боевую способность арміи и ея устойчивость противъ вредныхъ вліаній извнѣ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ запасныхъ офицеровъ въ значительной степени и сами раньше подпадали подъ эти вліанія и оздоравливающее вліаніе военной жизни не коснулось ихъ глубоко. Послѣ революціи вліаніе ихъ стало преобладающимъ и всѣ отрицательныя стороны подобнаго офицерскаго состава сказались быстро.

* * *

Унтеръ-офицерскій составъ въ мирное время дѣлился на унтеръ-офицеровъ сверхсрочной и унтеръ-офицеровъ срочной службы. Послѣ войны 1904—5 г. сверхсрочные были раздѣлены на двѣ категории, пользовавшіяся различными преимуществами, Обусловливалось это бюджетными соображеніями. Сверхсрочные 1-й категоріи должны были окончить войсквыя школы, подвергались испытанію и

затѣмъ на вакансіи назначались на должности подпрапорщиковъ. Другая категорія не пользовалась столь значительными преимуществами. Они частью служили по своей особой линіи, частью, по открытіи вакансій, могли назначаться подпрапорщиками.

Не вдаваясь въ детали, сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ можно охарактеризовать, какъ прекрасно знавшихъ службу въ кругѣ своего вѣдѣнія, но въ тактическомъ отношеніи обладавшимъ свѣдѣніями много ниже офицерскихъ. Въ смыслѣ втянутости въ работу и энергіи при обученіи солдатъ они были вполне надежны. Немногого имъ недоставало, чтобы стать вполне отвѣчающими своему назначенію. Они принесли на войнѣ большую пользу и послѣ убыли офицеровъ часто цѣлыя роты держались подпрапорщиками.

Сверхсрочные унтеръ-офицеры не составляли въ русской арміи такой стойкой и опредѣленной корпораціи, какъ въ германской. Притомъ они не были достаточно многочисленны. Слѣдуетъ отмѣтить даже непопулярность сверхсрочной службы въ войскахъ, особенно въ старыхъ полкахъ. Не внушала симпатій подчиненнымъ и служебная требовательность сверхсрочныхъ. Все это вмѣстѣ взятое ставило ихъ иногда, вслѣдствіе глухого недоброжелательства, въ затруднительное положеніе. При началѣ революціи они одни изъ первыхъ подверглись гоненіямъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что сверхсрочные 1-й категоріи были настолько хорошо обставлены, что съ теченіемъ времени, особенно если бы ихъ подготовка стала серьезнѣе, и они находили бы опору какъ въ собственной корпораціи, такъ и въ отношеніяхъ къ нимъ начальствующихъ лицъ, взглядъ на нихъ несомнѣнно бы измѣнился, авторитетъ повысился и отношеніе къ нимъ стало болѣе доброжелательнымъ.

Унтеръ-офицеры срочной службы не были въ такой степени напрактикованы въ своемъ дѣлѣ, какъ сверхсрочные. Переходъ къ 3-хъ лѣтнему сроку службы заставилъ готовить къ унтеръ-офицерскимъ должностямъ уже съ весны перваго года службы и съ осени того же года назначать подготовленныхъ для исполненія въ ротахъ различныхъ командныхъ должностей. Если способности такихъ лицъ и давали на это право, то все же солдаты старшихъ сроковъ службы, будучи опытнѣе, далеко не всегда признавали ихъ авторитетъ. Они не составляли достаточно авторитетной группы, ни въ мирное, ни, особенно, въ военное время. Подготовка ихъ составляла только нѣсколько улучшенную подготовку остальныхъ солдатъ.

Съ унтеръ-офицерами въ батальонахъ велись особыя занятія. Но постоянные наряды и неправильная постановка этихъ занятій не давали тѣхъ результатовъ, которые можно было бы получить.

Въ запасѣ, вслѣдствіи такой подготовки, состоялъ избытокъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ пришлось ставить въ ряды съ остальными солдатами. Это тоже не содѣйствовало поддержанію ихъ авторитета передъ подчиненными. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ войны въ ряды стремились многіе изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и войска выступали, имѣя сверхкомплектъ начальствен-

наго персонала. Убыль въ этомъ персоналѣ всегда бывала больше, почему послѣ первыхъ же боевъ вмѣсто сверхкомплекта получался некомплектъ. Разумнѣе было бы выступать въ штатномъ составѣ, но имѣть наготовѣ запасъ для пополненія убыли послѣ боевъ. Хорошая организація должна предусматривать употребленіе людей по ихъ подготовкѣ и качествамъ, а не смѣшивать роли различныхъ элементовъ.

Во время войны большая убыль и плохая подготовка въ запасныхъ баталіонахъ заставили создать учебныя команды при полкахъ. Такая система имѣла конечно много отрицательныхъ сторонъ. Достаточно упомянуть, что были случаи полученія учебными командами въ полномъ составѣ боевыхъ назначеній; лучшіе люди, имѣвшіе назначеніемъ управлять другими людьми, могли выбыть изъ строя, не исполнивъ своего назначенія. Такая подготовка, кромѣ того могла быть только удовлетворительной. Авторитета такіе унтеръ-офицеры у другихъ солдатъ имѣли немного.

Несомнѣнно, что желательнѣе было бы организовать подготовку унтеръ-офицеровъ въ запасныхъ баталіонахъ, а въ полкахъ производить только упражненія, вызываемыя примѣненіемъ послѣдняго боевого опыта.

Въ общемъ приходится признать, что надлежаще обученнаго, авторитетнаго, поставленнаго на начальническую ногу состава унтеръ-офицеровъ въ русской арміи не было. Въ цѣли военныхъ отношеній отсутствовало это необходимое звено. Большая часть унтеръ-офицеровъ почти сливалась съ остальной массой солдатъ.

* * *

Начала организаціи едва ли проводились въ русской арміи съ достаточно строгой послѣдовательностью. Младшіе офицеры часто были у ротнаго командира не болѣе какъ помощниками, коимъ поручалось веденіе въ ротахъ той или другой отрасли обученія. Они числились, правда, въ своихъ полуротахъ и взводахъ, но руководство службой и бытомъ этихъ частей зависѣло не отъ нихъ. Этимъ вѣдалъ фельдфебель. Младшій офицеръ отбывалъ болѣе или менѣе усердно свои учебныя часы, а съ остальнымъ считался какъ съ совершившимся фактомъ, узнавая распоряженія, отданныя ротнымъ командиромъ, или фельдфебелемъ. Власть послѣдняго распространялась на всю роту, нерѣдко въ ущербъ власти взводныхъ и отдѣленныхъ командировъ. Еще взводные командиры пользовались извѣстной властью, но значеніе отдѣленныхъ командировъ часто умалялось до послѣдней степени. Отдѣленіе, какъ организаціонная единица, какъ основная клѣтка, не подлежащая дѣленію, собственно не существовало. Оно признавалось въ принципъ, но не на практикѣ. При послѣдней въ каждомъ частномъ случаѣ просто дѣлался „разсчетъ“ и отдѣленный начальникъ получалъ подъ команду тѣхъ людей, которые приходились на его долю по разсчету. Эту тенденцію можно прослѣдить по уставамъ внутренней и строевой службы.

Основная ячейка, основанная на тѣсномъ содружествѣ ея членовъ и знаніи начальникомъ подчиненныхъ отсутствовала. Но, если безъ нея можно жить въ мирное время, то въ военное время при большихъ и часто мѣняющихся составахъ ротъ обойтись безъ нея нельзя. Ротный командиръ легко запомнить своихъ взводныхъ и отдѣленныхъ и черезъ нихъ можетъ руководить остальными людьми, но ни онъ, ни фельдфебель не въ состояніи сразу узнать всѣхъ людей роты; трудно даже взводному командиру всегда знать свой взводъ. Едва состоится ознакомленіе съ личнымъ составомъ, какъ возможны значительныя перемѣны и въ начальникахъ и въ подчиненныхъ. Только организація, разработанная до основныхъ единицъ, можетъ выручить при такихъ условіяхъ. Нарушать организаціонныя связи безнаказанно нельзя: воинская часть становится толпой.

Это обстоятельство также послужило одной изъ причинъ паденія дисциплины, которая могла быть болѣе устойчивой. По поводу дисциплины много говорилось и обычно, конечно, съ осужденіемъ. Дисциплина была якобы „палочной“ и ее нужно было замѣнить „сознательной“. Подобные толки опоздали на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Можно смѣло сказать, что жестокости и побои по отношенію къ подчиненнымъ солдатамъ далеко не были повседневнымъ явленіемъ. Лица, занимавшіеся этимъ систематически, были рѣдкими исключеніями и дѣятельность ихъ была настолько небезопасна, что примѣнять ее приходилось съ большими предосторожностями. Бывали, конечно, случаи побоевъ со стороны команднаго состава, потерявшаго терпѣніе и выведеннаго изъ себя, но и они не были часты. Дисциплина въ русской арміи была основана на добровольномъ послушаніи, на признаніи авторитета начальника, на сознаніи принадлежности къ единому цѣлому, интересы котораго нужно отстаивать сообща согласованными усиліями. Несомнѣнно, все это воспринималось не сознательнымъ размышленіемъ, а всей жизненной обстановкой, заботами начальниковъ о подчиненныхъ и т. п. Даже на повѣрочныхъ мобилизаціяхъ легко было замѣтить какъ дисциплина начиналась собственно съ котла, какъ около него группировались, знакомились и организовывались въ одно цѣлое. При такомъ настроеніи нужно было собственно очень немного, чтобы дисциплина стала вполне прочной и устойчивой. Правильная, продуманная организація, военный авторитетъ начальника, нѣкоторое воздержаніе съ его стороны, дабы не подчеркивать съ дурной стороны свое привилегированное положеніе, добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей были бы достаточны, чтобы дисциплина стояла несокрушимо. Но, къ сожалѣнію, эти качества нерѣдко отсутствовали у офицеровъ запаса, смѣнившихъ кадровыхъ, а разгулъ низкихъ страстей, возбужденныхъ революціей, былъ слишкомъ силенъ, чтобы первоначальныя инстинктивныя основы дисциплины не были ими подавлены.

Притомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что принимавшіяся нѣкоторыми начальниками мѣры физическаго воздѣйствія весьма часто из-

бавляли отъ судебныхъ наказаній. По существу дисциплина въ русской арміи нерѣдко страдала не отъ превышенія, а отъ бездѣйствія власти. вмѣсто судебныхъ наказаній примѣняли свои собственные мѣры воздѣйствія, незаконныя, но дѣйствительныя и имѣвшія менѣе тяжелья послѣдствія, чѣмъ законныя мѣры. Это понималось, самовольныя, унижительныя наказанія терпѣлись и прощались.

Такая дисциплина выдержала боевое испытаніе съ сравнительно рѣдкимъ примѣненіемъ тѣхъ крайнихъ мѣръ, которыя всегда могутъ потребоваться въ бою, но не выдержала революціоннаго испытанія.

Разумное обученіе создаетъ и постоянно поддерживаетъ у подчиненнаго привычку къ повиновенію. Правильныя основы обученія уже давно были заложены въ русской арміи и проведены черезъ ея уставы. Учить не разговоромъ, а показомъ, не поправлять руками, а словами, не учить сразу многому, начинать съ одиночнаго обученія и т. п. было установлено уже давно. Но примѣнялось это далеко не всегда. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ принятія этихъ принциповъ они оставались неизвѣстными: ихъ не примѣняли во многихъ частяхъ войскъ, иногда и въ военныхъ училищахъ. Дурныя старыя привычки оставались. Это одинъ изъ разительныхъ примѣровъ того, что написанное въ уставахъ далеко не всегда характеризуетъ выполняемое на практикѣ.

Въ отношеніи методовъ обученія недоставало многого. Руководившіе обученіемъ не всегда стояли на высотѣ своего назначенія. Затѣмъ имѣлась еще одна особенность. Солдатъ учили собственно только въ первый годъ ихъ службы. Они были въ сборѣ послѣ поступленія на службу и въ теченіе перваго лагеря. По окончаніи послѣдняго и возвращенія въ постоянные гарнизоны, увольнялись въ запасъ люди старшаго срока службы. Это вызывало отчисленія солдатъ младшаго срока службы для заполнения всевозможныхъ командъ строевого и хозяйственнаго назначенія. Въ ротахъ шли перечисленія, отдѣлялись учителя молодыхъ солдатъ и т. п. Послѣ этого въ ротахъ оставалось очень небольшое число людей, выполнявшихъ всевозможные наряды, какъ по внутренней службѣ, такъ и по гарнизонной. Къ этому прибавились, начиная съ конца прошлаго столѣтія, наряды для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Они бывали иногда особенно обременительными. Въ итогѣ люди двухъ старшихъ сроковъ службы часто едва успѣвали сдѣлать кое-какія упражненія по стрѣльбѣ, гимнастикѣ и т. п., какъ должны были отправляться въ наряды. Въ лагерное время, путемъ смѣны войскъ, несущихъ наряды, стремились собрать возможно больше войскъ для обученія, но это уменьшало время обученія: между войсками, несущими наряды и ведущими обученіе, приходилось устанавливать очередь. Неоднократно приходилось слышать сѣтованія, что люди старшихъ сроковъ службы успеваютъ забыть то, чему ихъ учили, и обучены хуже молодыхъ солдатъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду также условія комплектованія пѣхоты. Лучшіе люди отбирались въ другіе роды оружія. Раньше даже существовало распоряженіе о переводѣ въ пѣхоту негодныхъ элемен-

товъ изъ другихъ родовъ оружія. Признаваемый въ теоріи главный родъ оружія на практикѣ низводился до второстепеннаго значенія. Все лучшее изъ него черпалось, все, если не худшее, то второстепенное, туда назначалось. Это обстоятельство имѣло вліяніе на обученіе. Составъ солдатъ въ пѣхотѣ значительно отличался отъ состава остальныхъ войскъ.

При такихъ условіяхъ приходилось дорожить каждымъ часомъ и увлеченіе какимъ либо отдѣломъ въ ущербъ другимъ становилось особенно вреднымъ. Этой ошибки не избѣжали. Начиная съ 1908 г. стали вводить сокольскую гимнастику. На нее тратилось много времени, которое могло быть употреблено съ большей пользой. Иногда цѣлые полки разучивали подъ музыку упражненія сокольской гимнастики. Былъ и періодъ увлеченія сельскимъ хозяйствомъ.

Одиночное обученіе стрѣльбѣ было поставлено хорошо. Искусство стрѣльбы съ 1906-7 г. развивалось. Многія части перешли въ разрядъ „отличныхъ“. Хуже обстояло дѣло съ боевой стрѣльбой, но все-же и къ этому дѣлу проявился видимый интересъ. Отказались отъ многихъ нелѣпныхъ приемовъ, напр. перестали вызывать резервъ для стрѣльбы въ цѣпь, что раньше часто практиковалось, рѣже стрѣляли залпами и т. п. Руководство огнемъ въ цѣпи изучалось съ большимъ вниманіемъ. Отдавались соответственныя указанія по округамъ. Многое изъ этого воспринималось.

Обученіе строю можно назвать хорошимъ. Сомнугый строй давался легко. Достаточно было посмотреть на занятія запасныхъ учебнаго сбора или на ополченцевъ, прекрасно дѣлавшихъ сомкнутыя ученія уже послѣ краткаго времени занятій, чтобы убѣдиться въ возможности сократить этотъ отдѣлъ занятій и полученную экономію во времени посвятить полевымъ занятіямъ.

Обученіе фортификаціонному дѣлу было поставлено плохо. Какъ это ни странно, но оно было забыто. Въ Маньчжуріи, на маневрахъ по окончаніи военныхъ дѣйствій, можно было видѣть какъ войска окапывались, не получивъ на это никакихъ указаній. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ послѣ войны мѣстами настроили образцовые участки укрѣпленныхъ позицій, но затѣмъ понемногу дѣло забылось и свелось къ обычнымъ занятіямъ „по самоокапыванію“ съ открытіемъ и зарытіемъ окоповъ, сооружаемыхъ безъ всякаго тактическаго заданія. Интересъ къ такимъ занятіямъ пропалъ. Ими часто манкировали, отмѣняли и т. п. Послѣдствіемъ было, что русская армія вышла на войну забывъ свой собственный опытъ. Лопату цѣнили, какъ позволявшую создать себѣ укрытіе отъ огня, отрывъ для этого яму, приспособивъ канаву или мѣстную складку, но дальше этого не шли. Въ 1914 г. надлежаще организованныхъ въ фортификаціонномъ отношеніи позицій не было. Только съ 1915 г., особенно послѣ весеннихъ неудачъ, фортификаціонное дѣло развилось. Учились у противника. Оно все-же не приняло тѣхъ размѣровъ какъ у германцевъ или австро-венгерцевъ, главнымъ образомъ по недостаточности ма-

теріальныхъ и транспортныхъ средствъ. Русская армія выступила на войну съ примитивными познаніями по фортификаціонной части.

Занятія устныя или такъ называемая „словесность“ едва-ли не составляла отдѣла наименѣе удовлетворительно поставленный. Обыкновенно дѣло заканчивалось заученіемъ наизусть краткихъ свѣдѣній о назначеніи солдата и свѣдѣній изъ различныхъ уставовъ. Кромѣ того рекомендовались различныя бесѣды, но лекторы подготавливались къ этому недостаточно, несмотря на то, что революція въ 1905 г. уже показала свое лицо. Обычно лекторъ дѣлалъ ошибку предполагая, что съ солдатомъ надо говорить о простѣйшихъ вещахъ и дѣланнымъ простонароднымъ языкомъ. Такія бесѣды имѣли слишкомъ искусственный характеръ. Съ русскимъ солдатомъ можно говорить о всемъ и онъ все пойметъ. Слѣдуетъ только избѣгать неизвѣстныхъ ему словъ. Только такія бесѣды возбуждаютъ интересъ и лекторъ будетъ пользоваться вліяніемъ на слушателей. Но къ такимъ бесѣдамъ нужно серьезно готовиться и далеко не всякій лекторъ въ состояніи ихъ вести. Онъ долженъ умѣть освѣтить правду и разяснить заблужденія и можетъ встрѣтиться иногда съ очень нежелательными вопросами, задаваемыми слушателями по наивности и съ задней мыслью. Не подготовленные къ этому дѣлу офицеры лучше сдѣлаютъ, если добросовѣстно займутся своимъ воинскимъ дѣломъ и знаніемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей подчинять себѣ волю своихъ солдатъ и приобрести ихъ уваженіе. Занявъ службой время своихъ подчиненныхъ, они уже этимъ однимъ заставятъ смотрѣть, какъ на праздныя, на различныя попытки извнѣ повліять на ихъ настроеніе.

Въ русской арміи ни то ни другое не дѣлалось съ должной послѣдовательностью и законченностью. Въ результатъ и служебныя познанія не были часто достаточно твердыми и солдаты, чувствуя умалчиваніе о какихъ-то неизвѣстныхъ имъ вещахъ, подозрительно настороживались и становились подготовленными къ воспріятію учений, проповѣдуемыхъ со стороны людьми преслѣдующими свои особыя цѣли и умѣло эксплуатирующими отрицательныя стороны военного быта.

При духовныхъ бесѣдахъ священниковъ допускалась собственно та же ошибка. Нравственное вліяніе, обусловленное не саномъ, а личностью пастыря, отходило на задній планъ. Бесѣды дѣлались обязательными. Значеніе ихъ этимъ уменьшалось.

Въ тактическомъ отношеніи послѣ Японской войны наступили различныя измѣненія. Прежде всего ошутилась необходимость перемѣны строевъ при движеніи подъ огнемъ. Началось продвиженіе впередъ отдѣльными группами, производилось такъ называемое „накапливаніе“. Эти способы наступленія далеко не всегда были сообразны съ возможностью вести изъ цѣпи огонь и часто составляли формы продвиженія возможныя только при стрѣльбѣ холостыми патронами. Замѣтно было стремленіе рѣшать дѣло наступательнымъ боемъ, но зависимость успѣха этого боя отъ артиллерійской подготовки, отъ преобладанія пулементаго и ружейнаго огня

часто игнорировалась. Никакихъ указаній свыше не было. Въ комиссіи разрабатывался пѣхотный уставъ, но и комиссія встрѣтила такое разнообразіе взглядовъ, что не рѣшилась дать указанія о боевыхъ дѣйствіяхъ и ограничилась разработкой собственно только уставной части. И даже при этихъ условіяхъ уставъ вышелъ только въ 1908 г. Уставъ имѣлъ недостатки, но все-же былъ довольно кратокъ, ясенъ и въ этомъ отношеніи выгодно отличался отъ прежняго путаннаго устава, составленнаго съ значительными погрѣшностями. Но разъясненій по веденію боевыхъ дѣйствій онъ не давалъ. Это должно было составить предметъ „Наставленія для пѣхотнаго боя“, которое появилось въ началѣ 1914 г.

Можетъ быть ничто больше этого наставленія не характеризуетъ путаницы, господствовавшей во взглядахъ по окончаніи войны 1904-5 г.

Отсутствіе наставленія чувствовалось настолько остро, что по различнымъ округамъ отдавались на этотъ счетъ руководящія распоряженія. Пользовались и частными изданіями различныхъ комментаторовъ „боеаго опыта“. Наконецъ въ 1910 г. въ Штабѣ Виленскаго округа была сдѣлана попытка систематизировать этотъ матеріалъ. Было издано нѣчто похожее на „наставленіе“. Оно казалось составленнымъ съ наибольшей полнотой. Его разослали во всѣ округа на заключеніе. Получился огромный матеріалъ, отразившій общее не установившееся настроеніе. Матеріалъ разсматривался въ комиссіи составленной изъ членовъ съ подобными же разнообразными взглядами. Въ результатъ работъ этой комиссіи, черезъ 2-3 года было издано „Наставленіе для веденія пѣхотнаго боя“.

Непригодность работъ при помощи комиссій, тамъ гдѣ нужно найти новые пути, сказалась очень рельефно. Новая мысль должна зародиться въ одной головѣ и здѣсь-же получить логическое развитіе. Уже въ такомъ видѣ она можетъ быть привита массѣ, но даже и въ этомъ случаѣ процессъ ея внѣдренія дѣло не легкое и борьба съ рутинной, съ самолюбіемъ, съ невѣжествомъ можетъ получиться напряженная до окончательнаго торжества новой идеи. Для этого нуженъ авторитетъ, а выше было упомянуто, что авторитета въ Россіи того времени не было. Комиссіи по складу ихъ дѣятельности совершенно не соотвѣтствуютъ ни появленію новыхъ идей, ни ихъ логической разработкѣ, въ лучшемъ случаѣ они могутъ быть полезны при обсужденіи различныхъ деталей. Если и были примѣры, что комиссіи намѣчали новые пути, то исключительно потому, что въ ихъ составъ входили авторитетныя лица, которыя и проводили черезъ нихъ свои идеи. Остальные члены были не болѣе какъ ихъ сотрудниками, а то и просто освѣдомителями въ деталяхъ. При отсутствіи этого комиссіи выносятъ рѣшенія, составляющія какое-то среднее арифметическое изъ обсуждаемыхъ предложеній, хотя подобный методъ согласованія различныхъ идей, предложеній и т. п. умѣстный въ арифметикѣ, совершенно не отвѣчаетъ сути большинства дѣлъ, разбираемыхъ въ комиссіяхъ. Такая работа, если только опытный дѣлопроизводитель не направитъ

дѣла, ведетъ часто къ погрѣшностямъ и противорѣчямъ, которымъ удивляются сами же члены комиссіи.

Тоже случилось и съ „Наставленіемъ для веденія пѣх. боя“. Достаточно сказать, что комиссія напала на мысль разработать наставленіе исключительно „пѣхотное“ и поэтому исключило изъ него все касающееся артиллеріи. Между тѣмъ артиллерійскій огонь на полѣ сраженія является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общей обстановки и отдѣленіе этого элемента отъ дѣйствій пѣхоты совершенно немыслимо. Такое наставленіе можетъ быть пригодно только для небольшихъ отрядовъ, дѣйствующихъ отдѣльно, т. е. для случая совершенно исключительнаго. Можно навѣрное сказать, что русская армія очень нуждалась въ наставленіи для пѣхотнаго боя вообще, но мало нуждалась въ подробныхъ указаніяхъ для дѣйствія отдѣльныхъ баталіоновъ и ротъ. Нѣсколько словъ о такихъ дѣйствіяхъ въ концѣ общаго наставленія для дѣйствій пѣхоты были-бы вполне достаточны.

Ссылка на инструкцію для боя, составляющую приложение къ полевому уставу, также мало помогала дѣлу, ибо эта инструкція, занятая вопросами согласованія дѣйствій отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія, не разбираетъ вопросовъ пѣхотнаго боя съ должной полнотой.

Притомъ даже вопросы пѣхотной тактики не разбирались въ наставленіи съ должной обстоятельностью. Наприм. такіе вопросы, какъ густота цѣпи, управленіе огнемъ и т. п. оставались безъ достаточнаго освѣщенія. И знаменательно, что даже по окончаніи Великой Войны слышались голоса, считавшіе такое наставленіе прекраснымъ (см. Военное Дѣло за 1918 г.). До такой степени можетъ быть велика путаница понятій!

Итакъ, какъ видно изъ изложеннаго, въ маневренномъ отношеніи русская пѣхота училась „чему нибудь и какъ нибудь“, руководясь различными болѣе или менѣе толковыми указаніями. Официальное наставленіе появилось въ годъ войны и было составлено такимъ образомъ, что основаніемъ для полнаго и систематическаго обученія быть не могло.

При такихъ условіяхъ, хорошіе руководители могли бы еще исправить дѣло. Но ихъ не было. Уже съ лагернаго сбора 1907 г. въ Петербургскомъ округѣ были изданы указанія по послѣдовательной подготовкѣ звена, отдѣленія, взвода и роты. Они имѣли недостатки, но все же вносили въ обученіе послѣдовательность и порядокъ. Примѣнить ихъ сразу безъ предварительнаго показа было бесполезно: ихъ все равно не усвоили бы. На возбуждаемая ходатайства объ организаціи показныхъ ученій, обычно слѣдоваль отказъ: показныя ученія, якобы, могли послужить къ установленію шаблоновъ. Неизвѣстно были ли избѣгнуты послѣдніе, но, что вслѣдствіе отсутствія руководителей, все дѣлалось кое-какъ, несомнѣнно. Та же картина съ различными вариантами повторялась и въ другихъ мѣстахъ. Руководителей не было и ихъ не создали.

Чувствовался недостатокъ въ учебныхъ поляхъ. Весной и въ началѣ лѣта, до снятія жатвы, приходилось учиться исключительно на лагерныхъ поляхъ, дополняемыхъ различными встрѣчаемыми по близости пустырями, паровой землей, иногда отводомъ земель съ уплатой владѣльцамъ за потравы. Лагерные участки соответствовали прежнимъ незначительнымъ нормамъ, соображеннымъ, главнымъ образомъ, съ потребностями обученія сомкнутому строю и устройства стрѣльбищъ. Полей для тактическихъ ученій съ ротами было недостаточно. Это обстоятельство усугублялось общепринятымъ временемъ для занятій. Обычно по утрамъ отъ 7 до 10 часовъ, послѣ обѣда отъ 4 до 6 часовъ дня весь лагерь, кромѣ частей, бывшихъ на стрѣльбищѣ, выступалъ на занятія. Учебныя поля были переполнены. Въ остальное время поля пустовали. Въ нѣкоторыхъ округахъ были сдѣланы попытки отступить отъ этого шаблона и производить занятія въ теченіе всего свѣтлаго времени, т. е. лѣтомъ отъ 4 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Это давало, конечно, возможность лучше использовать поля для ученій, но мѣра эта встрѣтила противодѣйствіе, даже среди высшихъ начальствующихъ лицъ.

Толковое тактическое ученіе требуетъ значительнаго времени. Напр. ротное ученіе, продѣланное отъ развертыванія до атаки, требуетъ 8—10 часовъ времени. Ясно, что сразу такое продолжительное ученіе провести невозможно. Лучше всего это сдѣлать, продолжая ученіе въ теченіе 2-хъ дней на одномъ и томъ же участкѣ мѣстности, съ тѣмъ, чтобы каждое послѣдующее ученіе было продолженіемъ предыдущаго. Между тѣмъ осуществленіе такого порядка встрѣчало часто затрудненія вслѣдствіе привившейся привычки вести ежедневную очередь участкамъ между частями войскъ. Только очень медленно прививалось правильное распределеніе участковъ сообразно учебнымъ потребностямъ.

Иногда удаленіе участковъ вызывало непроизводительный расходъ времени на слѣдованіе къ участкамъ и обратно.

Всѣ эти обстоятельства, попутно съ улучшеніемъ порядка пользования земельными участками для занятій, требовали кореннаго рѣшенія вопроса объ учебныхъ поляхъ и полигонахъ. Предстояло приобрести значительные земельные участки, по нѣсколько тысячъ десятинъ на корпусъ. Дѣло это началось передъ войной, но двигалось медленно.

Подводя итогъ всему сказанному, приходится прийти къ заключенію, что отсутствіе хорошаго боевого наставленія, руководителей, учебныхъ полей и надлежащаго порядка пользования ими не могли не отразиться отрицательно на обученіи русской пѣхоты въ тактическомъ отношеніи. И все же слѣдуетъ признать, что кадры русской пѣхоты вышли на войну удовлетворительно подготовленными. Господствовавшее общее одушевленіе толкало личный составъ на геройскія дѣла, извѣстныя въ очень небольшой части. А, если была воля къ ихъ выполненію, то и средства къ этому находились. Примѣняясь къ встрѣченнымъ боевымъ условіямъ, пользуясь свѣдѣніями и привычками, добытыми при

обученіи, наконецъ, руководясь здравымъ смысломъ, кадровые солдаты сплошь и рядомъ показывали прекрасныя качества солдата и воина. Россія была вправѣ гордиться многими изъ нихъ.

Слѣдуетъ дополнить этотъ очеркъ, что въ общемъ составѣ особенно хорошо были подготовлены и отличались прекраснымъ воинскимъ духомъ команды пулеметныя и связи. Первые изъ этихъ командъ неоднократно оказывали своимъ частямъ цѣнную боевую поддержку. Впослѣдствіи вся тяжесть огневого боя лежала въ значительной степени на нихъ. Въ частяхъ войскъ обычно подготавливался второй комплектъ пулеметчиковъ и бывали бои, когда оба комплекта расходовались. И тѣмъ не менѣе эти, казалось, обреченные люди были постоянно бодры и готовы на новыя жертвы...

Средства связи въ началѣ войны были несовершенны. Они и впослѣдствіи не развились въ той степени, какъ на западѣ. Увеличилась собственно только матеріальная часть телефоновъ. Во время боевъ исправленіе ихъ требовалось часто. Чины командъ связи относились къ этому съ удивительнымъ самоотверженіемъ. При тѣхъ средствахъ, которыя были въ наличіи, связь поддерживалась болѣе чѣмъ хорошо. Жертвъ среди этихъ командъ было много и запасъ чиновъ связи въ частяхъ войскъ былъ постоянно необходимъ.

Обученіе командъ развѣдчиковъ въ общемъ было также удовлетворительно, но работа ихъ изо дня въ день требовала неимоверныхъ усилій. По существу на нихъ возлагалась работа, которая можетъ быть выполнена съ охотой и доблестью въ единичныхъ случаяхъ, но которая немыслима, ни психологически, ни физически при ея длительномъ повседневномъ выполненіи. Это сказывалось на развѣдческой дѣятельности, которая становилась вялой и формальной. Организациія развѣдчиковъ должна быть поставлена на иныхъ началахъ.

Таковы были кадры. При всѣхъ пробѣлахъ обученія они стоили многого. Кто видалъ въ 1914 г. какъ въ ротахъ относились къ убывающимъ въ бояхъ кадровымъ солдатамъ, тогда исчезавшимъ изъ рядовъ, тотъ понялъ бы значеніе кадроваго личнаго состава. Иногда убыль этихъ людей составляла большое личное горе ихъ начальниковъ.

Но части войскъ состоятъ не только изъ кадровыхъ солдатъ, но также и изъ запасныхъ. Полевая войска русской арміи, кромѣ войскъ, содержавшихся въ усиленномъ составѣ, едва ли выступили въ составѣ ротъ, имѣвшихъ свыше 25% — 30% кадровыхъ солдатъ. Остальную часть ротъ составляли запасные. Отсюда ясно, до какой степени подготовка арміи зависѣла отъ подготовки запасныхъ. При ненадлежащей подготовкѣ они неизбѣжно понижали качество арміи. Вопросъ этотъ при современныхъ арміяхъ настолько важенъ, что на подготовку запасныхъ слѣдовало бы обратить, по крайней мѣрѣ, столько же вниманія, какъ и на подготовку кадровыхъ солдатъ. Этотъ вопросъ заслуживаетъ нѣкотораго освѣщенія.

Качество арміи военнаго времени зависитъ: а) отъ прочности кадровъ и б) отъ состава запаса. Не говоря про другіе факторы,

однимъ изъ главныхъ условій прочныхъ кадровъ является ихъ надлежащая численность. Таковая находится въ прямомъ соотношеніи съ числомъ возрастовъ запасныхъ, необходимыхъ для пополненія арміи до военного состава, ибо чѣмъ кадровый составъ больше, тѣмъ меньше потребуетъ онъ пополненій при мобилизаціи и тѣмъ многочисленнѣе будетъ число людей, обучаемыхъ ежегодно, а слѣдовательно, тѣмъ меньшее число возрастныхъ классовъ потребуетъ привлечь для доведенія арміи до военного состава. Всякій человѣкъ имѣетъ значеніе въ кадрахъ мирнаго времени и огромный вредъ причиняется всему дѣлу подготовки, когда изъ кадровъ дѣлаются различныя отчисленія солдатъ. Ничто не можетъ быть вреднѣе того взгляда, что кадры составляютъ какой то неисчерпаемый резервуаръ, изъ котораго можно черпать по желанію для всякихъ потребностей, признаваемыхъ почему то болѣе настоящими, чѣмъ потребности строевыя. Погрѣшностей и злоупотребленій въ этомъ отношеніи къ сожалѣнію было слишкомъ много.

Составъ и достоинство запаса зависитъ отъ численности возрастныхъ классовъ, отъ его сбереженія, отъ обученія людей и связи ихъ съ войсками. Численность каждаго возрастнаго класса зависитъ отъ численности кадровъ и сроковъ службы. Очевидно, что при 2-хъ лѣтнемъ срокѣ службы потребуетъ ежегодно призывать подъ знамена вдвое большее количество людей, чѣмъ при 4-хъ лѣтнемъ срокѣ службы, и въ каждомъ возрастномъ классѣ запаса будетъ въ первомъ случаѣ вдвое большее число людей, чѣмъ во второмъ. Слѣдовательно при мобилизаціи придется призвать для пополненія арміи меньшее число возрастныхъ классовъ и составъ арміи будетъ моложе. Этотъ вопросъ еще въ 1893 г. былъ выясненъ Каприви въ германскомъ рейхстагѣ, указавшимъ преимущество въ этомъ отношеніи германской арміи по сравненію съ французской.

Этотъ вопросъ имѣетъ особое значеніе въ настоящее время при формированіи рядомъ съ полевыми резервными войсками. При большой численности каждаго возрастнаго класса, для пополненія резервныхъ войскъ потребуетъ небольшое число возрастныхъ классовъ. При нѣкоторомъ соотношеніи численности кадровъ и численности возрастныхъ классовъ возможно достигнуть, чтобы въ полевыхъ и резервныхъ войскахъ не было людей старше 28-30 лѣтъ. Такія войска дѣйствительно могутъ быть, при соблюденіи нѣкоторыхъ другихъ условій, употреблены наравнѣ съ полевыми войсками. Такими именно были германскія резервныя войска. Ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ Австро-Венгріи подобныхъ условій не существовало. Въ частности въ Россіи на пополненіе резервныхъ войскъ поступалъ запасъ 2-го разряда, состоявшій изъ людей не моложе 31 года. Русскія резервныя войска по существу слѣдуетъ приравнять не къ германскимъ резервнымъ, а къ германскимъ ландвернымъ войскамъ. Названіе часто не соответствуетъ сущности дѣла.

Но конечно переходъ на короткіе сроки службы требуетъ соотвѣтственной организаціи кадровъ.

Къ сбереженію запаса въ Россіи не относились съ должнымъ

вниманіемъ. Несомнѣнно соціальныя условія могутъ вызвать напрасный расходъ запаса. Переселенецъ, уѣхавшій въ Америку, составляетъ обычно потерю для арміи, и всѣ расходы и труды, понесенныя государствомъ на его воспитаніе и обученіе, пропадаютъ непроизводительно. Тоже можно сказать относительно расхода запаса вслѣдствіи преждевременныхъ смертей, болѣзней и т. п. Такая убыль неизбежна и учитывается извѣстнымъ % отчисленіемъ. Но кромѣ того убыль можетъ происходить при освобожденіи запасныхъ отъ призыва вслѣдствіи занятія ими соотвѣтственныхъ должностей, привлеченія ихъ къ различнымъ работамъ для военныхъ потребностей, назначенія на нестроевыя должности и т. д. Если въ отношеніи кадрового состава привился взглядъ о его неисчерпаемости, то въ отношеніи запаса казаль даже страннымъ представлять на этотъ счетъ возраженія. Въ результатъ запасъ обученныхъ людей, можно сказать, расхищался.

Казалось, слѣдовало-бы ограничить подобныя назначенія ополченцами и запасомъ 2-го разряда, дабы весь запасъ 1-го разряда поступалъ на пополненіе въ войска. Разрѣшеніе этого вопроса несомнѣнно облегчается сокращеніемъ сроковъ службы подъ знаменами, ибо это увеличитъ численность каждаго возрастнаго класса запаса и сократитъ число возрастныхъ классовъ для пополненія полевыхъ и резервныхъ войскъ. Состояніе въ запасѣ 1-го разряда всего въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ дастъ возможность провести извѣстныя ограниченія въ отношеніи личнаго состава этого разряда, обусловливающія его сбереженіе.

Послѣ сказаннаго выгода короткихъ сроковъ службы (до извѣстнаго предѣла) становится ясной. Но кромѣ того получается выгода въ отношеніи обученія. Одно дѣло поставить въ ряды при мобилизаціи солдата, закончившаго кадровое обученіе 5—6 лѣтъ назадъ и отбывшаго за это время 2—3 учебныхъ сбора или солдата, прошедшаго ряды 10—18 лѣтъ назадъ и почти не отбывавшаго за это время учебныхъ сборовъ, позабывшаго чему его обучали и, можетъ быть, не знающаго коренныхъ измѣненій, вызванныхъ развитіемъ техники.

Всѣ эти вопросы до Японской войны настолько мало сознавали, что необходимость дѣленія запаса на разряды по возрастнымъ классамъ не признавалась. Проповѣдывалось, что русская система запаса даетъ Военному Министерству большую свободу въ распредѣленіи запаса, какъ будто правильная организація не требуетъ соотвѣтственнаго подбора личнаго состава и какъ будто этотъ подборъ не стѣсняетъ (для пользы дѣла конечно) свободу располагать запасомъ. Какъ будто пополненіе войскъ людьми разныхъ возрастовъ и разнообразнаго обученія можетъ представлять что либо общее съ правильной организаціей!

Обученіе запасныхъ зависитъ отъ учебныхъ сборовъ и постановки обученія на нихъ. По закону учебныхъ сборовъ полагалось два, по 6 недѣль каждый. До конца 80 годовъ ихъ не производили вовсе. Затѣмъ до Японской войны они производились одинъ разъ въ теченіе 2-хъ недѣль для запасныхъ, прослужившихъ подъ знаме-

нами три года, и два раза по 3 недѣли для запасныхъ, прослужившихъ менѣе трехъ лѣтъ. Во время Японской войны учебныхъ сборовъ не производилось, но съ другой стороны, по крайней мѣрѣ, часть арміи обучалась, будучи призвана по мобилизаціи, а также на самой войнѣ. По окончаніи войны до 1909 г. учебныхъ сборовъ не было и только начиная съ этого года опять начался призывъ, на этотъ разъ на полный 6 недѣльный періодъ. Эти призывы производились въ теченіе ряда лѣтъ до войны 1914 г. На учебные сборы привлекались обычно возрастные классы въ концѣ ихъ состоянія въ запасѣ I-го разряда, почему многіе изъ запасныхъ I-й категоріи, поступившихъ въ 1914 г. на пополненіе полевыхъ войскъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не освѣжали своего обученія. Правда, зато четыре класса запасныхъ съ возобновленными познаніями находились ко времени Великой войны въ запасѣ 2-й категоріи. Тамъ же было много людей, побывавшихъ на предыдущей войнѣ. Для резервныхъ войскъ это было благоприятнымъ условіемъ.

Но все же надлежащей систематичности въ освѣженіи познаній запасныхъ не было. Старшіе классы запаса представляли въ этомъ отношеніи смѣшанный составъ. Въ младшихъ классахъ, поступавшихъ на пополненіе полевыхъ войскъ, повторительное обученіе иногда не было пройдено.

До Японской войны съ запасными проходило преимущественно элементарное обученіе. Послѣ нея программы были измѣнены значительно и приноровлены къ современнымъ требованіямъ, но характеръ обученія отъ этого измѣнился мало. На полевую подготовку обращалось недостаточно вниманія. Одиночное обученіе, сомкнутый строй и стрѣльба проходились довольно хорошо. Особенно быстро и хорошо усваивали запасные сомкнутый строй. Но остальные отдѣлы обученія оставляли желать многого. Рутинна сказывалась.

Въ послѣдніе годы передъ войной запасные привлекались на подвижные сборы (маневры). Несомнѣнно, что польза отъ этого была, но надо было считаться съ отнятіемъ времени отъ элементарнаго обученія и съ увеличеніемъ расходовъ на подвижные сборы. Достаточныхъ кредитовъ на это не было. Все же это дѣло можно и должно было наладить.

Обученіе запасныхъ, прибывавшихъ на учебный сборъ, производилось въ особыхъ ротахъ и командахъ. Изъ кадровыхъ ротъ выдѣлялся соответственный составъ учебнаго персонала, который и велъ обученіе въ ротахъ и командахъ запасныхъ. Подготовка запасныхъ не была введена въ циклъ годовыхъ занятій въ ротахъ и отвѣтственность за ихъ подготовку возлагалась не на постоянныя, а на временныя военныя организаціи. Очевидно, что отношеніе временныхъ руководителей, смотрѣвшихъ на эту работу какъ на какую то придаточную, было инымъ, чѣмъ отношеніе постоянного начальника къ обученію своей части. Высшимъ начальствомъ прощалось многое, что постоянному начальнику никогда не было бы прощено.

Во всѣхъ отношеніяхъ лучше было бы не сводить запасныхъ въ особыя команды, а распредѣлять ихъ между ротами, а въ концѣ

обученія производить смотры не запасныхъ, а ротъ, пополненныхъ запасными. Система привлеченія запасныхъ на подвижные сборы именно и требовала такого ихъ распредѣленія. Это было ея хорошей стороной. Распредѣленіе запасныхъ по ротамъ соотвѣтствовало и тому, что дѣлается при мобилизации, слѣдовательно, оно подготавливало командный составъ къ работѣ военного времени и заблаговременно знакомило его съ разрѣшеніемъ организационныхъ вопросовъ, которые въ войскахъ часто рѣшались сплеча безъ основательнаго размышленія. Руководящія указанія на этотъ счетъ отсутствовали.

Такое обученіе въ ротамъ дало бы всѣ ожидаемые плоды только при установленіи связи запасныхъ со своими частями войскъ. Совершенно ясно, что запасный, поступающій на пополненіе войсковой части, гдѣ онъ проходилъ свое первоначальное обученіе, гдѣ его знаютъ и гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, представляетъ совершенно другой элементъ, чѣмъ запасный, прибывающій въ незнакомую войсковую часть. Иначе будутъ относиться къ его обученію на учебныхъ сборахъ, понимая, что это свой же человекъ, который поступитъ при мобилизации въ свою часть и отъ правильнаго обученія котораго будетъ, можетъ быть, зависеть военный успѣхъ этой части.

Въ нѣкоторыхъ округахъ были попытки проводить это положеніе, назначать запасныхъ на учебные сборы, сообразуясь съ мобилизационнымъ расписаніемъ, съ предупрежденіемъ войскъ, что они обучаютъ людей, которые составятъ ихъ укомплектованіе при мобилизации. Это было частичнымъ исправленіемъ господствовавшей неудовлетворительной системы. Практиковалось оно передъ войной всего нѣсколько лѣтъ и по кратковременности дать результатовъ не могло. Поднятіе арміи въ настоящее время на уровень современныхъ требованій потребуеъ цѣлаго ряда лѣтъ настойчивой и систематической работы пока не накопится цѣлый рядъ подготовленныхъ возрастныхъ классовъ. Тѣмъ болѣе причинъ сразу взять вѣрный путь и систематически слѣдовать по нему.

Разрѣшима ли были всѣ эти вопросы въ русскихъ условіяхъ жизни? По глубокому убѣжденію составителя очерка это было вполне возможно, но требовало нѣсколько большихъ расходовъ путевыхъ, на учетъ и т. п. Если эти расходы считались излишними, то исключительно вслѣдствіе недостаточно внимательнаго и мало сознательнаго отношенія къ тому положенію, что правильная организація требуетъ соотвѣтственнаго подбора личнаго состава.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что учебные сборы производились для строевыхъ. Между тѣмъ при мобилизации требуется пополненіе также и различныхъ другихъ должностей, наприм. санитаровъ, обозныхъ и т. п. Часть такихъ назначалась изъ кадровъ, что едва-ли допустимо. Даже запасъ 1-го разряда слѣдовало бы избавить отъ подобныхъ нарядовъ. Лучше было подготавливать для этого на специальныхъ учебныхъ сборахъ, производимыхъ одновременно съ прочими, ополченцевъ и запасныхъ 2-го разряда.

Кромѣ запасныхъ имѣлся еще источникъ пополненія: ополченцы

1-го разряда. Въ этотъ разрядъ ополченія зачислялось ежегодно около 180/т. людей, составлявшихъ избытокъ ежегоднаго контингента новобранцевъ. Въ этомъ разрядѣ ополченія состояли 4 года, въ теченіи коихъ производилось два учебныхъ сбора на мѣстахъ при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. Обученіе этихъ людей, несмотря на охоту ихъ къ военной службѣ, было слабое, но для пополненія при мобилизаціи запасныхъ баталіоновъ они составляли элементъ вполне подходящій. Составляемая изъ нихъ ополченскія части, какъ по вооруженію, такъ, главное, отсутствію мало мальски хорошаго офицерскаго состава, представляли незначительную боевую цѣнность. Все-же уже въ теченіи войны изъ нихъ формировались даже крупныя войсковыя соединенія. Будучи снабжены офицерскимъ составомъ и перевооружены (обычно австр. ружьями) они быстро поднимались до общаго уровня арміи, если только попадали въ руки хорошихъ начальниковъ.

Итакъ разбирая вопросъ подготовки запаса, слѣдуетъ признать, что пробѣловъ было, къ сожалѣнію, слишкомъ много. Масса запасныхъ, прибывая при мобилизаціи въ войска, существенно понижала боевое достоинство кадровъ. Если въ мирное время достоинство кавалерійскихъ и пѣхотныхъ кадровъ было въ общемъ равноцѣнно, то стоило сравнить отмобилизованную пѣхотную часть съ кавалерійскою частью военнаго времени, не получившей запасныхъ, чтобы видѣть все огромное пониженіе боевого качества пѣхоты. Въ городахъ можно было видѣть послѣ мобилизаціи массы распущенной солдатчины, едва сознававшей свои воинскія обязанности, и на восстановленіе надлежащей дисциплины коей обращалось, къ сожалѣнію, слишкомъ мало вниманія. Нельзя сказать, чтобы настроеніе этой массы было плохое, но всюду были видны слѣды первобытной грубой жизни, видно было какъ эта жизнь наложила свой отпечатокъ на людей, получившихъ первоначальное воинское обученіе и воспитаніе и какъ поверхностный налетъ того и другого стусевывался отъ соприкосновенія со стихіей жавни и поглощался ею. Невольно напрашивалась мысль, какъ безсильна организація, даже такая могущественная, какъ военная, для борьбы съ подобной стихіей и какая трудная задача предстоитъ въ Россіи еще многимъ поколѣніямъ, прежде чѣмъ установится надлежащая гармонія между жизнью и государственной организаціей. Какъ мало еще сдѣлано и какъ мало дѣлается для этого!

Какъ извѣстно, бои вызываютъ въ настоящее время такія большія потери, что вопросъ о правильномъ пополненіи арміи получаетъ особое значеніе. Организація, вѣдающія пополненіемъ, должны быть широко развиты и поставлены на правильныхъ началахъ. Вся работа должна начаться одновременно съ мобилизаціей и вестись непрерывно и съ полнымъ напряженіемъ въ теченіи всей войны. Побѣда зависитъ въ такой же степени отъ ихъ работы, какъ и отъ дѣйствія войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Вся ихъ дѣятельность, самое расположеніе, должны преслѣдовать цѣль быстраго пополненія убыли въ войскахъ, даже организаціонными единицами.

Въ русской арміи первоначально при каждомъ полку формировался запасный баталіонъ, для чего изъ состава войскъ выдѣлялся небольшой кадръ. Послѣ реорганизаціи арміи, т. е. съ 1911 г., число запасныхъ баталіоновъ было уменьшено. Они считались общегармейскимъ достояніемъ. Укомплектованія посылались изъ разныхъ баталіоновъ въ различныя войсковыя части. Число баталіоновъ, нужныхъ для пополненія потерь, не соотвѣтствовало потребности, хотя въ этомъ отношеніи опытъ Японской войны уже давалъ нужныя указанія. Баталіоны формировались при посредствѣ незначительнаго личнаго состава, содержавшагося въ числѣ чиновъ скрытаго кадра, и запасныхъ, отчасти ратниковъ 1-го разряда, призывавшихся при мобилизаціи. Подготовка унтеръ-офицеровъ и различныхъ спеціалистовъ пѣхотной службы (пулеметчики, гренадеры и т. п.) не была предусмотрена. Баталіоны были размѣщены внутри государства, а особыхъ баталіоновъ, приближенныхъ къ театру военныхъ дѣйствій, уже распределенныхъ по войсковымъ соединеніямъ и находящихся подъ контролемъ строевого начальства, не было. Надлежащій притокъ личнаго состава въ баталіоны производился несвоевременно и въ недостаточной степени.

Самое обученіе въ запасныхъ баталіонахъ производилось несоотвѣтственно. Это было обусловлено недостаткомъ вооруженія, учебныхъ пособій, но еще въ большей степени отсутствіемъ сознанія важности этого дѣла, недостаткомъ усидчивости и настойчивости со стороны мало отвѣчающаго своему назначенію учебнаго персонала, распущенностью тыла, отсутствіемъ контроля. О постановкѣ дѣла обученія въ запасныхъ баталіонахъ ходили самыя нелестныя слухи*).

Только нѣсколько позднѣе дѣло обученія въ запасныхъ баталіонахъ улучшилось, но не въ такой степени, чтобы пользоваться обученіемъ какъ средствомъ развитія повиновенія и дисциплины. Быстрое паденіе дисциплины послѣ революціи произошло по различнымъ причинамъ, но не послѣдней было пренебреженіе къ надлежащему обученію солдатъ, какъ въ запасныхъ баталіонахъ, такъ и на фронтѣ.

Такая постановка дѣла отразилась очень скоро на войскахъ. Уже въ концѣ 1914 г. войска были крайне ослаблены. Въ цензурныхъ сообщеніяхъ того времени упоминалось про письмо какого то наивнаго казака, писавшаго: „Пѣхоты у насъ нѣтъ. Остались только мы, артиллерія и обозы“. Посылаемые пополненія были незначительны и потерь пополнить не могли. Пришлось все-таки требовать ихъ присылки, а это вело къ сокращенію сроковъ обученія и прібытію мало чему обученныхъ людей. Почти всѣ войска стояли на позиціяхъ, въ резервъ войскъ было мало. Обучать при такихъ условіяхъ недообученныхъ людей было затруднительно и въ большинствѣ случаевъ они мало чему учились. Времени на обученіе также было мало. Рус-

*) Одной изъ главныхъ причинъ плохой подготовки и обученія запасныхъ баталіоновъ, былъ недостатокъ команднаго состава; часто на баталіонъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ приходилось 2—3 офицера.

ская армія, вслѣдствіе несвоевременнаго пополненія потерь, неоднократно бывала въ положеніи, когда кадры разстраивались и приходилось ихъ не только пополнять, но и воссоздавать. Но никогда такое положеніе не принимало такого трагическаго характера, какъ къ началу 1915 г. и причина тому ненадлежащая мало продуманная система запасныхъ частей. Это обстоятельство, въ связи съ недостатками вооруженія, было одной изъ главныхъ причинъ русскихъ неудачъ въ 1915 г.

Если оцѣнить все сказанное относительно кадровъ и запаса, то необходимо прійти къ заключенію, что теоретически признававшееся положеніе: „Только народы, обладающіе хорошей пѣхотой, могли имѣть длительные успѣхи; только пѣхота можетъ завоевывать и сохранять завоеванное“ — было очень далеко отъ осуществленія на практикѣ. Первоначальный составъ арміи, съ которымъ она выступила на войну, все же представлялъ изъ себя грозную силу. Хотя онъ и имѣлъ слабые, недостаточно обученные кадры, пополненные малообученными запасными, не имѣвшими прочной спайки съ кадрами, но общее одушевленіе охватывало всѣ эти элементы и объединяло ихъ. До конца 1914 г. армія сохранила свой наступательный духъ, но утомленіе уже сказывалось, а впереди еще предстояла упорная и длительная борьба. Обогатились новымъ опытомъ, но первоначальное воодушевленіе пропало. Коренныхъ наслѣдственныхъ чувствъ ненависти къ противнику (особенно къ австро-венгерцамъ) не было, какъ не было яснаго сознанія своихъ племенныхъ и національныхъ задачъ. Стремленіе къ побѣдѣ, слава и народная гордость еще манили лучшихъ людей за собой, но большинство уже тяготилось рискомъ, сопровождавшимъ эти достиженія, а неумолимая дѣйствительность, какъ будто, оправдывала не первыхъ, а послѣднихъ.

При такихъ условіяхъ выступало на первый планъ значеніе военной организаціи. А между тѣмъ всѣ допущенныя несовершенства и ошибки ложились на нее тяжелымъ бременемъ. Она не могла дать нужной опоры. Выяснилось, что пѣхота, а вмѣстѣ съ нею и армія были способны на большое, но кратковременное усиліе. Продолжительное усиліе изо дня въ день, возможное при мощной организаціи, было имъ не по силамъ.

Вслѣдствіи въ 1916 г. послѣ значительныхъ усилій удалось возстановить армію, но и здѣсь старое наслѣдіе и недостаточная послѣдовательность принимаемыхъ мѣръ вели къ новому разстройству. Прежніе грѣхи повторились и Сизифова работа по возстановленію арміи продолжалась...

В. ДРАГОМИРОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).